УДК 398.22(=512.21)

А. А. Бурыкин
Институт лингвистических исследований Российской академии наук

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПОЗИЦИИ ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ ЭВЕНКОВ И ЭВЕНОВ И ИХ РОЛЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТУНГУССКОЙ КОСМОГОНИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ И ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭТНИЧЕСКИХ И ЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

Аннотация. Предмет статьи составляют элементы мифологии, в первую очередь космогонической мифологии в эпических сказаниях эвенков в их связи с общими представлениями о мифологии эвенков и в связи с проблемой источников по мифологии тунгусских народов, у которых собственно космогонические мифы как форма фольклора отсутствуют. Автор выявляет и анализирует эвенкийские эпические сказания, началом которых служит описание мира или процесс его появления.

Анализ состава элементов текстов показывает, что только три текста включают все элементы модели мира без исключения, а именно – три сферы мира и в т. ч. Средний мир и также компоненты географического кода (названия деталей пейзажа), фитонимического кода (названия деревьев и травы) и зоонимического кодов (названия животных). Особенность этих текстов – это отсутствие в них характеристики неба, которая в разных вариантах присутствует в других текстах.

Другие тексты – а они составляют явное большинство – показывают нам модель мира в неполном виде, где присутствуют лишь ее отдельные детали. Это Земля, Средняя земля, Небо (небо-пуповина, небо величиной с беличий глаз, небо с тройной радугой, небо с шестью радугами, небо, укрытое берестяным коробом, небо, похожее на радугу, небо, подобное опрокинутому чуману); лосиные уши, ковер, шкурка с головы оленя, горы, реки, море, деревья, трава, животные.

Автор делает вывод, что мифологические экспозиции в эвенкийских эпических текстах являются относительно поздними, как и у монгольских народов, согласно имеющимся исследованиям, и отмечает перспективность сравнительного исследования эвенкийских эпических сказаний с якутскими эпическими текстами олонхо в аспекте генезиса тунгусского эпоса.

Ключевые слова: мифология, эпос, фольклор, жанры фольклора, структура фольклорного текста, предметные коды текста, эвенки, эвены, якуты, якутский героический эпос Олонхо.

A. A. Burykin

Mythological expositions of epic legends of the Evenki and Evens and its role for studying the Tungus cosmogonic mythology and for the characteristics of ethnic and local traditions

Abstract. The subject of article is made by mythology elements, first of all cosmogonic mythology in epic legends of the Evenki people in their relations to the general representations about mythology of the Evenki and in connection with the problem of sources of the Tungus people mythology, where cosmogonic myths as a folklore form are actually absent. The author reveals and analyzes the Evenki epic legends as, where the description of the world or process of its appearance serves as a beginning.

The structural analysis of the text elements shows that only three texts include all elements of the model of the world without an exception, namely – three spheres of the world including the Middle world, as well as components of the geographical code (names of the landscape elements), phytonimic code (names of trees and grass), and zoonimic code (names of animals). The feature of these texts is the absence of characteristics of the sky which in different variants is present in other texts.

БУРЫКИН Алексей Алексеевич – д. филол. н., д. и. н., в. н. с. Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской академии наук.

BURYKIN Aleksey Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of the Dictionary Department of the Institute of Linguistic Studies of Russian Academy of Sciences.

Other texts – and they make the obvious majority – show us the world model of an incomplete kind where there are only its separate elements. It is the Earth, the Middle World, the Sky (the sky-umbilical cord, the sky in size about the squirrel eye, the sky with a threefold rainbow, the sky with six rainbows, the sky covered box made from birch bark, the sky similar to a rainbow, the sky similar to an overturned kettle); ears of elk, a carpet, a skin from a head of a deer, mountain, rivers, the sea, trees, grass, animals.

The author does a conclusion that mythological expositions in Evenki epic texts are rather late, as well as at the Mongolian peoples, according to available researches, and marks the potential of comparative researches of the Evenki epic legends with the Yakut epic texts Olonkho in aspect of the Tungus epos genesis.

Keywords: mythology, epic, folklore genres, folklore, structure of the folklore text, subject codes of the text, Evenki, Evens, Yakuts, the Yakut heroic epic Olonkho.

Введение

Если говорить о мифах как форме повествования в устной фольклорной традиции тунгусо-маньчжурских народов, то придется признать, что собственно мифологические тексты в фольклоре этих народов представлены в минимальной степени и обобщение этого материала трудно даже для специалистов. Краткий энциклопедический очерк мифологии тунгусо-маньчжуров, отражающий почти исключительно материал по эвенкам [1, с. 533-534], не дает представления о составе и характере мифов, и кроме этого включает характеристику весьма поздних интрузий сказочного происхождения в мифологические повествования (например, таких как рассказ о двух братьях Хэвэки и Харги, есть основания сомневаться в исконности такого рассказа для тунгусо-маньчжурской традиции). Разумеется, в фольклоре эвенов и эвенков мы находим большое количество этиологических рассказов и сказок с этиологическими мотивами, однако в том, что касается космогонических мифов, особые отдельные тексты с рассказами о зарождении и далеком прошлом земли, мира, неба, окружающей природы, по существу отсутствуют. В том, что касается эвенов, тексты такого содержания утрачены полностью, о чем свидетельствуют фразеологизмы *хоксидук тордук* «от горячей земли», *кочукэндук тордук* «от маленькой земли» [2, с. 51]. Имеющиеся обособленные мифологические рассказы буквально единичны – к их числу относится мифологический рассказ о происхождении земли и человека, зафиксированный у эвенов [3, с. 156-158], однако такие тексты, как показывает обзор, исключительны [4, с. 112]. Вот начало одного из них по изложению (сами тексты не опубликованы).

Примером такого цикла может служить миф о превращении частей тела восьминогого оленя (*дьапкын бодулулкан оран*) в людей, землю, горы, леса и т. д. «Девушка, изгнанная с родного неба, на восьминогом олене спускается на поверхность моря. По совету оленя она раскидала по воде кусочки шерсти, которые сразу превратились в бревна, из которых она сделала плот (*тэм*). По настоятельной просьбе оленя она убивает его и разделывает так, как он завещал. Тут же шкура оленя превратилась в землю, череп и кости – в горы, шерсть – в леса, вши – в диких оленей. Когда она ломала кости, хруст от этого превратился в гром, предсмертный вздох стал ветром. Сердце оленя превратилось в богатыря, легкие – в мальчика и девочку» [3, с. 157].

Вот изложение еще одного рассказа: «Земли не было. Эвены плавали на плоту по морю. Ловили рыбу удочкой (*чэнгэчич*), ставили петли на уток. Однажды они поймали гуся и отпустили его. Гусь стал пригонять уток на их петли. Поймали гагару. Гагара обещала достать ком земли со дна моря. Поймали ворона, но по его просьбе отпустили. Трижды доставала гагара ком земли со дна моря, но каждый раз ворон заставлял гагару ронять ком земли обратно в море. В конце концов, людям помогает шаман неба» [3, с. 157].

В одном из мифов говорится, что раньше земля была покрыта льдом. «Шаман неба заставил спуститься на лед непослушных и неподдающихся богатырей (*сэвуйкэр*). У этих богатырей от холода на теле появились волосяные покровы. Когда постепенно потеплело, лед стал таять, и богатыри начали плавать на плоту. Появились звери, рыбы. Постепенно потомки этих богатырей выродились. Так появились первые люди. Когда оставшиеся богатыри хотели уничтожить первых людей, шаман неба превратил их в камни. Тем самым он спас первых людей от уничтожения. Уцелевшие богатыри (*сэвуйкэр*) стали чучунами (*сэйэкэми*)» [3].

Об образовании земли в некоторых мифах рассказывается так: «…Гагара достала со дна моря еле видимую на глаз пылинку глины и положила на ладонь парня. «О, как можно из такой пылинки

создать землю?» – подумал он. Бог кончиком пальца взял пылинку глины и положил на левую ладонь. Видит парень, что пылинка глины на ладони Бога уже стала комочком величиной с желудок белки (*кэбэл дин*). Положил этот комочек на край плота. Оглянулся парень, видит, комочек стал величиной с копыто оленя (*оран кокчинни дин*). А вечером уже стал величиной с желудок лося (*эгдетэ уран дин*). Видит: утром его плот стоит, причаленный к берегу острова (*эгден букчэн сэлилэн*)…». Мифы сходного содержания встречаются и у эвенков [3, с. 157; 5, с. 71]. В таком виде у эвенов, и, как можно судить, у эвенков сохраняются сюжетные мифологические рассказы.

Ценным источником для характеристики мифологии эвенов в неспециализированной форме вне мифологических рассказов оказываются эвенкийские эпические сказания. Начало многих текстов представляет собой своеобразную мифологическую экспозицию для развития действия, своего рода фон для появления эпического героя. Можно задуматься над тем, что, поскольку у эвенков и других тунгусо-маньчжурских народов отсутствует героический эпос в композиционно-организованной форме, эту нишу замещают эпические сказания об одиноком герое, герое, функции которого обычно трактуются как множественные, недифференцированные: «первопредок» ~ «культурный герой» ~ «герой-богатырь (персонаж собственно героического эпоса)». Кажется, пока невозможно решить вопрос, является ли этот мультифункционализм героя архаикой или это следствие более поздней жанровой компрессии в связи с утратой ряда сюжетных позиций рассказов собственно о первопредках и культурных героях, однако в качестве последних у тунгусов обычно выступают герои-потомки союза человека и медведя, обычно женщины и медведя [6].

Существенным критерием стадиальной архаичности эпоса, сохраняющим свое значение для основной массы текстов, является пропорциональная составляющая мифологических элементов в эпосе, на что обращал внимание Е. М. Мелетинский: чем архаичнее традиция, тем большее количество элементов мифологии и религиозных воззрений она представляет в эпических текстах. Более того, в поздних работах именно эти характеристики закладываются в основу признаков, на которых строится историко-типологическая классификация образцов эпоса [7, с. 56-62].

В настоящей работе мы попытаемся проанализировать мифологические экспозиции эвенкийских героических сказаний. Что касается эвенских эпических произведений, то для них такие экспозиции оказываются нехарактерными: лишь один текст имеет начало с этногоническим мотивом, который выглядит, во-первых, поздним, во-вторых, значительно преобразованным по сравнению с архетипом, о чем свидетельствует и сам сюжет, и размещение мотива, в-третьих, он является индивидуальной новацией исполнителя [8, с. 6-9], от которого записаны и иные этиологические рассказы, в т. ч. общий с эвенками рассказ о происхождении Плеяд [8, с. 22]; известен и еще один эвенский вариант мифа о происхождении созвездия «Горные бараны» [9, с. 17].

Состав и ареально-хронологический анализ текстов

Объектом для анализа являются эпические сказания, опубликованные в пяти сборниках [5, 10, 11, 12, 13]. Эти материалы зафиксированы в разных районах проживания эвенков и в разное время с интервалами примерно в 60 лет. Следовательно, этот материал может дать представление о локальных традициях бытования мифологических экспозиций в героических сказаниях и хронологии их фиксации.

1) В самом раннем сборнике эвенкийского фольклора имеется только один текст (№ 79) с краткой мифологической экспозицией, записанный на р. Урми – «Соду Сордончо Солданы»: «*Вначале земля шару подобна становилась, когда небо кумалану подобно брошено было (в то время). На средней земле один богатырь родился*» [10, с. 99].

В сборнике, обобщающем записи Г. М. Василевич по эпическим сказаниям эвенков, в части, отражающей традиции эвенков с рек Учур, Урми, Амгунь, Чумикан и с Сахалина, представлено 12 текстов с мифологическими экспозициями, которые таким образом очерчивают географию распространения интересующего нас явления.

2) «*В давние годы, когда река впервые потекла, когда трава только вырастала, на средней земле жили два паренька*» («Кодакчон») [11, с. 185].

3) «*Давным-давно, когда над землей небо только зарождалось и было словно пуповина, в одном чуме-утэн жили три девицы*» («Три девицы») [11, с. 207].

4) «*Давно, давно, когда земля словно брошенный мокрый коврик-кумалан была, словно брошенный коврик-тэнинэг была, жил в то время один уранкай в чуме*» («Нивонинде») [11, с. 218].

5) «*На самой середине земли в то время, когда земля с ковер-кумалан расстилалась, жил один богатырь. Имя его было Гарпани*» («Гарпаникан») [11, с. 250].

Еще один текст с таким началом представлен в записях эпоса верхнеалданско-зейских эвенков:

6) «*Давно, давно, когда мать-земля меховым ковром расстилалась, когда небо, величиною с беличий глаз, поблескивало, жили два паренька. Старший по имени Торганэй, младший – Чаникой*» [11, с. 263].

7) В сборнике «Фольклор эвенков Якутии» [5] среди эпических сказаний выявляются два текста с мифологической экспозицией, представляющие традиции майских и учурских эвенков. Начало одного из них (текст № 14) стереотипно для выявляемого локального варианта эвенкийской эпической традиции: «*В те времена, когда земля становилась подобной лосиному уху, когда дерево впервые становилось деревом, когда гора становилась похожей на хвост белки, когда голец блистал, как белая шкурка у горностая, на средней земле жила одна-одинешенька девушка-сиротка по имени Нгонгурмок. Жила и не знала она, откуда же ее корни, откуда [она] родом*» [5, с. 71] – из этого явствует, что сравнение этого текста с эвенским мифом о происхождении земли, указанное В. А. Роббеком и Х. И. Дуткиным, оказывается довольно поверхностным. Гораздо более объемной является экспозиция текста «Иркисмондя-Сонинг» [5, с. 202].

В издании эвенкийских эпических сказаний 1990 г. опубликованы два текста от одного исполнителя, также представляющие традицию учурских эвенков [12, с. 127-237, 239-369].

Из наиболее поздних публикаций эпических сказаний эвенков мы смогли извлечь только один текст с мифологической экспозицией, представляющий традицию селемджинских эвенков – текст «Одиноким родившийся Умусликэн-богатырь» [13, с. 99-124]. Вот его начало:

8) «*Земля когда только становилась, реки когда только потекли, лиственница будучи лиственилась когда, береза будучи заберезилась когда, травка травкой выходила когда, Средняя земля расти начинала когда, в одном старом утэнчике одинокий человек жил*» [13, с. 112].

Для нас представляют большой интерес более объемные фрагменты мифологической экспозиции, представленные в следующих текстах:

9) «*Давным-давно, когда земля только становилась, когда небо с тройной радугой было, когда вода рек впервые из земли, как ручейки, потекла, на самой середине средней земли, на берегу одной реки, на холме с крутыми склонами был одни чум-утэи. Там жил один мата-богатырь*» («Кодакчон») [11, с. 178].

10) «*Давно, давно, давно, когда средняя земля, словно шкурка с головы оленя-мойки, расстилалась, когда верхнее небо, словно радуга в шесть рядов, только становилось, на берегу девятой большой реки, на вершине горы с крутыми склонами стоял одинокий чум-утэн. Жили в нем одна женщина и один мужчина – муж и жена*» («Секак») [11, с. 197].

11) «*Давным-давно, когда на самой середине земли дерево, как травка, вырастало, [а] гора, как холмик, подымалась, когда уранкаев не было, когда зверей было мало и лиственниц больших не было, жил один парень*» («Мокигдын») [11, с. 213].

12) «*Давно, давно, давно, когда основа земли с головную шкурку оленя-мойки была, когда море словно большая река было, когда большая река-енэ только начинала из земли выходить,*

когда хребет высоких гор только становился, на холме у реки чум-утэн стоял. В нем жил один-одинешенек мата» («Отани») [11, с. 221].

13) «*Когда земля [размером] с коврик под седло была, когда небо берестяным коробом [еще] охвачено было, на средней земле жила старуха Нюнгурмок. Жила она в то время, когда на этой земле стланик-кедр только начинал топорщиться, когда багульник только зацветал. Если внимательно вглядеться – мелкорослый березняк только подымал пушистые ветви*» («Хуругочои») [11, с. 234].

14) «*В самом начале, когда земля расстилалась, как шкурка с головы дикого оленя-мойки, когда море-океан с блюдечко льдинкой было, когда небо – верхняя земля, словно радуга, своими цветами сверкало на самой середине средней земли, на устье большой реки-енэ жил-поживал богатырь средней земли Уму-Умусликон. Один-одинешенек жил он, Чум-утэн его покрыт был шкурой оленя-мойки, [шкуры] прижаты бедренными костями лося, порог [из костей]. Котелок у него был из черепа дикого оленя, нож – из кости дикого оленя*» («Умусликон») [11, с. 242].

15) «*Давно, давно, когда земля только становилась, когда небо-матушка подобно опрокинутому чуману было, жил один человек. Когда земля, словно ковер-кумалан, расстилалась, жил он, собирая ягоды. Появившаяся гора с холмик была, когда он жил; появившаяся река, как ручеек была, когда он жил. Трава только пробивалась, а дерево величиною с четверть было, когда жил мата. Если посмотреть, что за жилище было у этого маты, оказывается чум-утэн из плах. Звали этого молодца Гарпас-мата Гарпанучан*» («Гарпас-мата Гарпанучан») [11, с. 257].

16) «*Давным-давно появились три Сибир [-земли], подобные прислушивающимся ушам годовалого дикого оленя. Средняя же земля в то время с коврик [размером] расстилалась, на ней наметилось девяносто девять направлений для речных русел и высились горы, подобные разделенной на девять рядов густой шерсти черной лисицы. Трава же [на ней] никогда не увядала. Долго ли, коротко ли существовала эта средняя земля – мне неизвестно. Она становилась до того обширной, что никакая крылатая птица не могла ее облететь. Это была такая красивая страна, что, увидев ее, нельзя было ничего найти, с чем [можно] было бы сравнить [ее]. В этой стране ели распускались, как подснежники, лиственница пушилась, как молодая травка, сосенки росли, переливаясь, подобно пушистому хвосту рыжей белки, тальники вытягивались струной, а марниковые березы росли, разветвляя корни. Вот на такой красивой земле, кроме всего этого, жили бегающие звери-животные и люди. Если рассказывать [обо всем], то на южных склонах было множество лосей-самцов, в горных лиственничных борах водилось большое число оленей-самцов, по окраинам земли прыгали зайцы-зверьки, вдоль речек водились бесчисленные белочки.*

Если же внимательно вдуматься, то как не жить в такой хорошей стране рыжему Уранг-каю с двумя ногами, с голым лицом, со свободно вращающейся головой?! По этой земле протекала большая река с устьем где-то на западе, с истоком на востоке, и были ее берега красивы и круты, как клюв черного гуся. Тем не менее эта страна была словно остров в заливе моря; на ней постоянно дули сильные ветры и кружились вихри.

В этой стране в одном чуме жили-поживали два паренька» («Иркисмондя-богатырь») [5, с. 202].

В издании эвенкийских эпических сказаний 1990 г. опубликованы два текста от одного исполнителя, также представляющие традицию учурских эвенков [12, с. 371, 380]. Оба текста, исполняемые в стихотворной поющейся форме, имеют интересующее нас начало (ниже прописные буквы обозначают начала стихов-строк):

17) «*Вот, давно-давно, говорят, Появились эти три мира, Подобные чутким ушам Годовалого дикого оленя. После этого – Наш Средний мир расстилался С кумалан, А небо-мать растекалось С донышко берестяного короба. После этого Долго ли [так] было, не знаю, Недолго ли [так] было, не знаю. Если теперь Среднюю землю-мать Хорошо рассмотреть – Такой широкой стала эта земля, Что восемь стерхов-птиц, Летая вокруг восемь лет, Не находили ее края. Девять серых журавлей, Летая подряд девять лет, Не находили ее конца, – Такой огромной стала [эта] земля. Если хорошо посмотреть, думая, Что это за земля, Какие выросли на этой земле травы-деревья, – На средней земле, оказывается, Были, словно узоры, одна большая река И бессчетные [речки], Впадающие в одно огромное море. Там горы ее Поднимались*

ровными вереницами. Там Ели-деревья, сталкиваясь, росли, Лиственницы-деревья, сплетаясь, росли» («Храбрый Содани-богатырь») [12, с. 127].

18) «*Давно-давно, говорят, появились Три мира, подобные чутким ушам Годовалого дикого оленя. Средний мир Расстилался с меховой коврик. В девяносто девяти местах текли по нему Тоненькие ручейки. Как густая ость разделенной на девять полос Шкуры черной лисы, Были на нем горы. Трава [там] никогда не увядала. Долго ли, недолго ли была [такой] Эта Средняя земля, Я не знаю. Ни одна крылатая птица, Летая вокруг, не достигала ее края, – [Такой] широкой стала эта земля. Если смотреть на эту землю – Не с чем ее сравнить, Красивая, хорошая земля. Елочки-деревья ее Распускались, словно подснежники, Лиственнички-деревья ее Блестели, как молодая шерсть осеннего оленя. Сосенки-деревья ее Росли, подобные хвосту рыжей белки, Тальники ее, вытягиваясь, росли, Марниковые березы-деревья Росли, пуская корни. Эта милая Средняя земля, Так устроенная, Имела много зверей, скота. На солнечных склонах Жили Бессчетные лоси*» («Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде») [12, с. 239].

Элементы модели мира в эвенкийском эпосе и их проявление по отдельным текстам

Анализ состава элементов текстов показывает, что последние три текста (№ 16-18 в нашей нумерации) включают по существу все без исключения элементы модели мира, а именно – три сферы мира, в т. ч. Средний мир, постоянные сравнения с ушами оленя (в других текстах лося) и с ковриком-*кумаланом*, а также составляющими географического (названия деталей пейзажа), фитонимического (названия деревьев и травы) и зоонимического кодов (названия животных). Странной особенностью этих текстов является отсутствие в них характеристики неба, которая в разных вариантах присутствует в других текстах.

В остальных текстах – а они составляют явное большинство – модель мира присутствует в неполном виде, где даны лишь отдельные детали. Эти детали распределены по приведенным выше текстам № 1-15 в следующем виде:

Земля – все тексты, кроме № 2;

Средняя земля – тексты № 1, 8, 9, 10 (середина земли – тексты № 11, 14);

Небо – тексты № 1, 3 (пуповина), 6 (величиной с беличий глаз), 9 (с тройной радугой), 10 (с шестью радугами), 13 (берестяным коробом укрыто), 14 (словно радуга), 15 (подобно опрокинутому чуману);

Лосиные уши – текст № 7;

Коврик-*кумалан* – тексты № 2, 4, 5, коврик-*тэнинг* – текст № 5, коврик под седло (он же) – текст № 13; ковер как обобщенная метафора – текст № 6;

Шкурка с головы оленя – тексты № 10, 12, 14;

Горы – тексты № 7, 9, 10, 11, 12, 15;

Реки – тексты № 2, 9, 10, 12, 14, 15;

Море – тексты № 12, 14;

Деревья – тексты № 7, 8, 11, 13, 15;

Трава – тексты № 2, 8, 15;

Звери – текст № 11.

Земля как локус действия присутствует практически повсюду, где есть какие-то намеки на экспозицию эпического текста и обозначение хронотопа действия. Структура мира, состоящая из трех сфер, эксплицирована в четырех текстах, перенос действия из Среднего мира в центр мира (подразумевается Средний мир) отмечен еще в двух текстах.

Небо, характеристики и упоминания о котором пропущены в трех текстах с максимально полной экспозицией, имеет описание в восьми текстах, причем эти описания сильно отличаются друг от друга. Радуги, входящие в состав описания неба, могут быть образами множественных миров в верхней сфере мироздания. Образ пуповины в приложении к небу непонятен, небо «величиной с беличий глаз», вероятно, мифологическая инверсия размера. Два текста, в которых упоминается берестяная посуда, прямо отсылают к известной загадке о звездном небе «Большая-большая черная покрышка с многими-многими отверстиями есть» («Звездное небо») [14, с. 114].

Связь земли с оленьим ухом (тексты № 16-18) и лосиным ухом (текст № 7) и уподобление земли ушам этих животных не очень понятны. Лосиные уши встречались нам в качестве амулета-охранителя у восточных эвенов [2, с. 58].

Более понятным является сравнение земли с ковриком-*кумаланом* или ковриком под седло-*тэнинг*, которые, как кажется, выступают как символы центра мира (в отличие от коврика-*дэтур*, который имелся почти в каждом жилище и, как считается, скрывал вход в Нижний мир).

Сравнение земли со шкурой, снятой с головы оленя также понятно: из оленьих «лобиков» часто изготавливаются коврики-*кумаланы*, и здесь один предмет заменяет другой. Можно думать, что уподобление земли шкурке с головы дикого оленя более архаично, чем сравнение ее же с артефактом-ковриком.

Элементы географического кода – описания гор, рек, моря, включенные в разные дескриптивные структуры (сравнения, размерные характеристики), представлены в шести текстах в разных пропорциях. Реже всего представлено море (2 текста). Присутствие гор и рек увязывается друг с другом – каждый из этих элементов пейзажа отмечен в шести текстах, при том, что горы и реки одновременно встречаются в четырех текстах: море присутствует в одном тексте вместе с горами, в двух – вместе с реками. Очевидно, эти детали описания существенны для определения хронотопа (собственно, локуса) действия.

Элементы растительного кода – деревья встречаются в пяти текстах, трава – в трех, деревья и трава одновременно – в двух. Эти детали описания мира играют явно второстепенную роль в построении эпической модели мира.

Звери и птицы – элементы зоонимического кода – встречаются в экспозициях эпических сказаний реже всего – кроме трех текстов № 16-18, дающих нам максимально полную модель мира (при этом в тексте № 17 это только журавли и стерхи). Они упоминаются только в тексте № 11 в обобщенном виде, «когда зверей было мало». Наиболее полное перечисление животных дано в тексте № 16, который и можно считать максимально заполненной моделью эпического мира эвенков.

Выводы и перспективы исследования

Рассмотренные материалы показывают, что мифологические экспозиции эвенских героических сказаний с достаточной полнотой отражают мифы о сотворении Земли и явлении человека на Земле в той локальной традиции, для которой является характерным присутствие такой экспозиции в эпических текстах – традиции эвенков, живущих на реках Алдан, Зея, Селемджа, Учур, Урми, Амгунь, Чумикан и на Сахалине.

Мифологические экспозиции представлены в небольшом числе в наиболее ранних и в наиболее поздних записях эвенкийского эпоса, т. е. в публикации 1936 г. [10] и в издании текстов 2003 г. [13] мы находим лишь по одному примеру такого начала эпического текста. Наибольший объем примеров присутствия таких фрагментов в начале текста приходится на издания 1968 г. [11], 1971 г. [5] и 1990 г. [12], где опубликованы более ранние записи. Столь странное явление побуждает думать, что появление мифологической экспозиции в эпических сказаниях является относительно поздним (ср. аналогичное мнение С. Ю. Неклюдова относительно аналогичного явления в монгольском эпосе [15, с. 147]) и довольно-таки кратковременным, которое, возможно, является реакцией на угасание форм, более близких к воспроизведению мифологических текстов, нежели героический эпос. Определенным подтверждением этого является дисперсия количественного состава экспозиции и некоторые качественные различия в описании отдельных составляющих модели мира, прежде всего неба.

Приведенными заметками тема мифологических элементов в эпосе эвенков и эвенов не исчерпывается – этот материал требует сравнения с экспозициями якутских олонхо. Опыт исследования мифологического времени в эвенкийских эпических текстах представлен в статье М. П. Яковлевой [16, с. 117-119]. Однако, как нам кажется, этнокультурная эвенкийская концептуализация начального времени, представленная в указанной работе, отличается тенденциозной односторонностью, т. к. не учитывает колоссального объема связей между тунгусским эпосом и якутскими олонхо, для которых также характерны и иллюзия «расширяющейся вселенной», достигаемая за счет расширения объемов описания и перемещения фокуса дескрипции (того, что описывается в данном точечном фрагменте текста, соприкосновение «точки зрения» повествователя и описываемого объекта) с одного сегмента Вселенной на другой, задаваемого поэтикой олонхо – множеством элементов модели мира и многократными параллелизмами их описаний.

Приведем для сравнения начало олонхо «Могучий Эр Соготох»:

За дальней далью
конечной вершины
древних моих лет,
далеко по ту сторону
хребта бранных
давних моих лет,
далеко за гранью
буйных суетных дней
канувших моих лет,
за чередой
гибельных хребтов
убежавших моих лет,
когда человеческие племена,
в разговоры вступая, – не спознались еще,
когда племена якутов,
словами обмениваясь, – не знались еще,
когда – со ступнями продольными,
многоречивые,
в шубах, словно ураса, –
ураангхай саха мои,
друг с другом встретившись,
о том о сем не толковали еще,
когда провидцы мои,
с меченой костью
сородичи-шаманы мои
[будущего] не прозревали еще, –
госпожа мать-земля моя,
величиной с пятку серой белки будучи,
расширяясь-растягиваясь,
разрастаясь, рождалась;
подобно вывернутому,
мягкому, как замша, уху
двухгодовалой важенки
растопыриваясь во все стороны,
постепенно увеличивалась, оказывается. (Ноо!).
Вот такой:
локтем толкнешь – не дрогнет,
надавишь ее – не прогнется, –
такою крепкою твердью став,
неколебимая черная ширь земная,
мощь свою обретая, рождалась, оказывается.
Неколебимая черная ширь земная,
нерушимыми скалами по краям ограждаясь,
Араат-морем в середине вспучиваясь,
неубывающими морями вокруг окаймляясь,
семиободная-семикрайная,
с семью подпорками
изначальная мать-земля
моя вот так сотворялась, оказывается. (Ноо!)
Вот эту
изначальную мать-землю мою
кореньями связывая,
травами укрепляя,

деревьями опутывая,
дремучей черной тайгой покрывая,
где бурый медведь берлогу устраивает,
непроходимой черной тайгой покрывая,
которую для гона матерый лось облюбовывает. –
изначальную мать-землю вот так
сотворять продолжали, оказывается.
Вот такой:
с деревьями, которые, падая, – погибают,
с водами, которые, испаряясь, – мелеют,
с кукушками, которые, откуковав, – умолкают,
с рыбами, которые, отнерестившись, – уходят,
с хвоей, которая, пожелтев, – осыпается,
со скотом, который, вырождаясь, – мельчает,
с людьми, которые поздно рождаются,
Среднюю изначальную мать-землю мою
вот такой
создавать-сотворять продолжали, оказывается [17, с. 77-79].

Как показывают наблюдения над образцами раннего эпоса на материале эвенского эпоса в сравнении с эвенкийским, эвенские эпические сказания сохраняют гораздо больше архаических черт, чем эвенкийские, однако же в них мифологические экспозиции либо отсутствуют вовсе, либо присутствуют как явные инновации. Складывается впечатление, что насыщение повествования мифологическими элементами в тунгусском эпосе является характерным не для расцвета и тем более не для истоков эпической формы внутри этнической традиции – оно наблюдается при ее угасании, и потенциальный синкретизм фольклорных жанров и смыслов тут оказывается вторичным. Тем не менее, эвенкийский героический эпос, в особенности в своих наиболее объемных образцах [18] дает новые источники для изучения тунгусской мифологии и присутствия ее элементов в эпических формах фольклора, а равно и интереснейший, весьма перспективный материал для изучения якутско-тунгусских эпических взаимосвязей и влияния якутских олонхо на тунгусский эпос.

Литература

1. Василевич Г. М. Тунгусо-маньчжурская мифология // Мифы народов мира. 2-е изд. – М.: Советская Энциклопедия, 1991. – С. 533-534.

2. Бурыкин А. А. Религиозные воззрения эвенов // Краеведческие записки, вып. XIX. – Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1993. – С. 50-72.

3. Роббек В. А., Дуткин Х. И. Миф о происхождении земли и человека в эвенском фольклоре // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Материалы Всесоюзной конференции фольклористов. – Якутск: Якутский филиал Сибирского отделения АН СССР, 1978. – С. 156-158.

4. История и культура эвенов. – СПб.: Наука, 1997. – 187 с.

5. Романова А. В., Мыреева А. Н. Фольклор эвенков Якутии. – Л.: Наука, 1971. – 330 с.

6. Бурыкин А. А. Мифологические рассказы о медведе у народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. – Вып. 4. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. – С. 60-89.

7. Мелетинский Е. М. От фольклора к литературе. – М.: Наука, 2000. – 407 с.

8. Данилов Е. А. Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ. – Якутск: Розовая чайка, 1991. – 48 с. (на русском и эвенском яз.)

9. Чадаева А. В. Национальная игрушка. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1986. – 93 с.

10. Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л.: Издание института народов севера, ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936 – 400 с.

11. Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания. – М.-Л.: Наука, 1966. – 400 с.

12. Эвенкийские героические сказания / Вступительная статья, подготовка текстов, перевод, комментарии и словари А. Н. Мыреевой. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 392 с.

13. Варламова Г. И., Варламов А. Н. Сказания восточных эвенков. – Якутск: НИИ ПМНС, 2003. – 210 с.

14. Бурыкин А. А. Малые жанры эвенского фольклора. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2001. – 288 с.

15. Неклюдов С. Ю. Морфология и семантика эпического зачина в фольклоре монгольских народов // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература. К 75-летию академика Б. Л. Рифтина. – М.: РГГУ, 2010. – С. 137-149. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov69.pdf (11.03.2016).

16. Яковлева М. П. Концепт «начального времени» в эпосе эвенков // Молодой учёный. – № 14 (73), 2014. – С. 117-119.

17. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – 440 с.

18. Дулин буга Торгандунин – Торгандун среднего мира / Сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2013. – 856 с. (на русском и эвенкийском яз.)

References

1.Vasilevich G. M. Tunguso-man'chzhurskaja mifologija [Tungusic mythology] // Mify narodov mira. 2-e izd. – M.: Sovetskaja Jenciklopedija, 1991. – S. 533-534.

2.Burykin A. A. Religioznye vozzrenija jevenov [Religious views of Evens] // Kraevedcheskie zapiski, vyp. XIX. – Magadan, Magadanskoe kn. izd.-vo, 1993. – S. 50-72.

3.Robbek V. A., Dutkin H. I. Mif o proishozhdenii zemli i cheloveka v jevenskom fol'klore [Myth of the genesis of the Earth and Human in Even folklore] // Jepicheskoe tvorchestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Materialy Vsesojuznoj konferencii fol'kloristov. – Jakutsk: Jakutskij filial Sibirskogo otdelenija AN SSSR, 1978. – S. 156-158.

4.Istorija i kul'tura jevenov [Evens history and culture]. SPb.: Nauka, 1997. – 187 s.

5.Romanova A. V., Myreeva A. N. Fol'klor jevenkov Jakutii [Folklor of the peoples of Yakutia]. – L.: Nauka, 1971. – 330 s.

6.Burykin A. A. Mifologicheskie rasskazy o medvede u narodov Severo-Vostochnoj Azii i Severnoj Ameriki [Mythical narratives about the bear of the peoples of North-Eastern Asia and North Amerika] // Sistemnye issledovanija vzaimosvjazi dpevnih kul'tur Sibiri i Severnoj Ameriki. – Vyp. 4. SPb.: MAJe RAN, 1996. – S. 60-89.

7.Meletinskij E. M. Ot fol'klora k literature [From folklore to literature]. – M.: Nauka, 2000. – 407 s.

8.Danilov E.A. Irkjenmjel, Ojinde, Mjetjelje [Irkenmel, Oyinde, Metele]. – Jakutsk: Rozovaja chajka, 1991. – 48 s. (na russkom i jevenskom jaz.)

9.Chadaeva A. V. Nacional'naja igrushka [National toy]. – Habarovsk: Habarovskoe kn. izd.-vo, 1986. – 93 s.

10.Vasilevich G. M. Sbornik materialov po jevenkijskomu (tungusskomu) fol'kloru [Digest of Evenk (Tungusik) folklore]. – L.: Izdanie instituta narodov severa, CIK SSSR im. P.G.Smidovicha, 1936 – 400 s.

11.Vasilevich G. M. Istoricheskij fol'klor jevenkov: Skazanija i predanija [Evenks historic folklore: legends and tall stories]. – M.-L.: Nauka, 1966. – 400 s.

12.Jevenkijskie geroicheskie skazanija [Evenk heroic tall legends] / Vstupitel'naja stat'ja, podgotovka tekstov, perevod, kommentarii i slovari A. N. Myreevoj. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1990. – 392 s.

13.Varlamova G. I., Varlamov A. N. Skazanija vostochnyh jevenkov [Legends of Eastern Evenk]. – Jakutsk: NII PMNS, 2003. – 210 s.

14.Burykin A. A. Malye zhanry jevenskogo fol'klora [Small genres of Even folklore]. – SPb.: Centr «Peterburgskoe vostokovedenie», 2001. – 288 s.

15.Nekljudov S. Ju. Morfologija i semantika jepicheskogo zachina v fol'klore mongol'skih narodov [Morphology and semantic of epic beginning in Mongolian people folklore] // Kitaj i okrestnosti: mifologija, fol'klor, literatura. K 75-letiju akademika B. L. Riftina. – M.: RGGU, 2010. – S. 137-149. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov69.pdf (11.03.2016).

16. Jakovleva M. P. Koncept «nachal'nogo vremeni» v jepose jevenkov [Concept of "begin time" in Evenk epic] // Molodoj uchjonyj. – № 14 (73), 2014. – S. 117-119.

17. Jakutskij geroicheskij jepos «Moguchij Jer Sogotoh» [Yakut heroic epic "Mighty Er Sogotokh"]. – Novosibirsk: Nauka. Sibirskaja izdatel'skaja firma RAN, 1996. – 440 s.

18. Dulin buga Torgandunin – Torgandun srednego mira [Torgandun of Middle world] / Sost. A. N. Myreeva. – Novosibirsk: Nauka, 2013. – 856 s. (na russkom i jevenkijskom jaz.)